

САТАРХИ

Нельзя сказать, что вопрос о сатархах не привлекал внимания исследователей, занимавшихся историей Северного Причерноморья и, в частности, Крымского полуострова. Но локализация этого племени, появившегося на горизонте истории Северного Причерноморья в античную эпоху и засвидетельствованного надписью II в. до н. э., обнаруженной в Крыму (IOSPE, I², 672), затруднена из-за фрагментарности данных античных авторов. Последним и объясняется тот факт, что в научной литературе по вопросу о сатархах сложились самые разнообразные точки зрения и, естественно, различная интерпретация скудной информации об этом племени, имеющейся в трудах античных историков и географов. Например, В. В. Латышев помещает их в Северо-Восточном Крыму «по берегу Сиваша»¹. Такого же мнения придерживались М. И. Ростовцев², Е. Миннз³ и Э. И. Соломошик⁴. Однако перечисленные исследователи не уделяли должного внимания аргументации своих взглядов на локализацию сатархов. Некоторые ученые, не останавливаясь подробно на проблеме сатархов, отмечают лишь, что они «жили к северу от тавров»⁵ или принадлежали к «одному из таврских племен»⁶. Существует и другая точка зрения, согласно которой сатархов следует помещать в Северо-Западном Крыму. Одним из первых предложил подобную локализацию сатар-

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Исследование об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1896, стр. 133.

² М. И. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, Пг., 1925, стр. 47.

³ E. M i n n z, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 463.

⁴ Э. И. С о л о м о ш и к, Эпиграфические памятники Неаполя Скифского, НЭ, III, 1962, стр. 36—43.

⁵ С. А. Ж е б е л е в, Северное Причерноморье, Л., 1957, стр. 98.

⁶ В. Д. Б л а в а т с к и й, Рабство в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1956, стр. 37.

хов В. Ф. Гайдукевич, который характеризовал их как племя, «жившее в Северо-Западном Крыму и известное своим пиратством на Черном море»⁷. В том же районе помещал сатархов и М. Ф. Болтенко, который путем целого ряда построений связывает их с таркиниями Стефана Византийского, авхетами, каллипидами и, в конце концов, называет их «реликтом киммерийских племен», считая, что они появились в Северо-Западном Крыму с III в. до н. э. Пытаясь как-то объяснить сообщение Плиния о переходе сатархов через Танаис (NH, VI, 22), он полагал, что сатархи (они же каллипиды и авхеты) были вынуждены оставить занятия земледелием и перейти на кочевое хозяйство и вследствие этого направиться на Восток, «навстречу сарматским племенам, среди которых они и гибнут»⁸. Построения М. Ф. Болтенко представляются нам в значительной степени искусственными. У Перекопского перешейка и Каркинитского залива помещает сатархов Л. А. Ельницкий, который идентифицирует их с потомками «слепых» Геродота, с тафримию Страбона, а через тафриев связывает их с крымскими таврами⁹. Много внимания проблемам истории и локализации сатархов уделил А. Н. Щеглов¹⁰. Принимая вывод Л. А. Ельницкого об идентификации сатархов (сатархеев) с тафримию и потомками «слепых» рабов, А. Н. Щеглов считает сатархов автохтонными жителями Северо-Западного Крыма, жившими там с VI в. до н. э. по IV в. н. э., племенем, «по общественному укладу, культуре, а возможно, и этнически родственным таврам». А. Н. Щеглов пытается археологически проследить сатархов в Северо-Западном Крыму, считая, что им принадлежит черполощенная керамика, которую большинство археологов считает таврской¹¹. В одной из своих статей он уже более определенно говорит об их родстве с таврами и совместной борьбе против скифского господства¹². Правда, несколько позднее, в автореферате своей диссертации исследователь все же вынужден был признать, что сатархи «пока археологически не выделяются» и что к моменту греческой колонизации Северо-Западного Крыма «здесь оседлого населения не было»¹³. Д. Б. Шелов, связывая появление сатархов в Крыму с передвижением сарматских племен, справедливо заметил по поводу сторонников концепции автохтонности сатархов, что «рассказ Плиния о переходе сатархеями Танаиса эта гипотеза совсем не учитывает»¹⁴. С массовым продвижением сарматских племен, перешедших на рубеже IV и III вв. до н. э. Танаис, связывает появление сатархов в Крыму и К. Ф. Смирнов. Они, по его мнению, «заняли степи на Крымском побережье Сиваша»¹⁵.

Итак, одни исследователи помещают сатархов в Северо-Западном, другие — в Северо-Восточном Крыму; большинство их считает сатархов автохтонными жителями Крыма. Это указывает на нерешенность коренных вопросов (происхождение, локализация, передвижения) истории сатархов, в том числе и вопроса о том, какой след оставили они в истории материальной культуры. Решение этих проблем имеет большое

⁷ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, История античных городов Северного Причерноморья, «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 87.

⁸ М. Ф. Б о л т е н к о, Herodoteana, «Материалы з археології Північного Причерномор'я», вып. 3, Одеса, 1960, стр. 40, 49, 50.

⁹ Л. А. Е л ь н и ц к и й, Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 91. Впрочем, на связь сатархов со «слепыми» Геродота обращал внимание еще Вейсбах (RE, VII, 17^a, стб. 60).

¹⁰ А. Н. Щ е г л о в, О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху, ВДИ, 1966, № 4, стр. 146—157.

¹¹ О. Д. Д а ш е в с к а я, О таврской керамике с гребенчатым орнаментом, СА, 1963, № 4, стр. 205 сл.; О. Я. С а в е л я, О керамике с взрезным орнаментом из Херсонеса, КСИИМК, вып. 124, 1970, стр. 48—50.

¹² А. Н. Щ е г л о в, Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху, сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 332 сл.

¹³ А. Н. Щ е г л о в, Северо-Западный Крым в античную эпоху, Автореф. канд. дисс., Л., 1971, стр. 19.

¹⁴ Д. Б. Ш е л о в, Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э., М., 1970, стр. 63.

¹⁵ К. Ф. С м и р н о в, О начале проникновения сарматов в Скифию. сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 191.

значение не только в связи с собственной историей сатархов, процессами переселения народов, но также и в плане проблемы взаимодействия греческих городов-государств с варварским племенным миром. Как ни фрагментарны данные античных авторов, нам представляется, что при систематическом их сопоставлении все же возможно ответить на некоторые из поставленных вопросов.

Первым, кто зафиксировал пребывание сатархов в Крыму, был римский географ первой половины — середины I в. н. э. Помпоний Мела. Было бы вполне естественным предположить, что в знакомстве Мелы с сатархами необходимо видеть результат расширения этногеографического кругозора римских историков. Однако надпись Посидея, сына Посидея, найденная в Неаполе Скифском (IOSPE, I², 672), фиксирует пребывание «пиратствовавших сатархеев» в Крыму в конце II в. до н. э. Поэтому, видимо, следует согласиться с М. И. Ростовцевым¹⁶ в том, что источником Помпония Мелы был географ, который во II—I вв. до н. э. дал описание Понта главным образом по старой доэффоровской литературе, но подновивший его новыми сведениями, в частности, о ранее неизвестных сатархах.

В своем труде Помпоний Мела, упомянув азиатскую часть Боспора и расположенные там города (Гермонассу, Кепы, Фанагорию и Киммерик), т. е. современный Таманский полуостров, затем описав племена, живущие вокруг Меотиды, по направлению с востока на запад, переходит к характеристике Крыма и при этом сообщает: «Затем косая полоса земли, спускающаяся к Боспору, ограничивается Понтом и Меотидою. Сторону ее, обращенную к Болоту (Меотиде. — *Ю. Д.*), занимают с а т а р х и (в рукописи — сартаги — *Sarthagae*), со стороны Боспора лежат киммерийские города Мирмекий, Пантикапей, Гермисий, со стороны Евксинского моря живут таврики» (Mela, II, 3). Вряд ли это сообщение нуждается в комментариях, совершенно очевидно, что здесь дано описание территории современного Керченского полуострова и находившихся там античных городов¹⁷. Из этого описания Мелы следует, что сатархи занимали северную часть Керченского полуострова, обращенную к Азовскому морю. Продолжая описание Крыма, все так же следуя по направлению с востока на запад и сообщив о городе Херсонесе и его окрестностях, Мела подходит к описанию Северо-Западного Крыма и при этом говорит: «Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды (т. е. в районе Перекопа. — *Ю. Д.*) придает почти вид острова местности, занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом (Меотидой. — *Ю. Д.*) и заливом называется Тафры, а залив Каркинитский» (Mela, II, 4). В этом отрывке можно вместе с А. Н. Щегловым «увидеть, хотя и схематично, но довольно четко окомтуренный северо-западный, Тарханкутский выступ Крыма»¹⁸. Но для того чтобы яснее представить себе локализацию сатархов в этом районе, уточним некоторые детали. По Геродоту граница между скифами и таврами проходила около Керкинитиды, и далее к югу тавры занимают горный Крым «до так называемого Скалистого полуострова» (т. е. Керченского. — *Ю. Д.*) (Herod., IV, 99), а Страбон отмечает, что до подчинения Крыма боспорским правителям, т. е. до I в. до н. э., «его большую часть до перешейка (Пере-

¹⁶ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 48.

¹⁷ Ср., например, с аналогичным описанием Таманского полуострова у Мелы (I, 112). «Затем выступает к Боспору между Понтом и Болотом (Меотидой. — *Ю. Д.*) косая и широкая полоса земли, которой река Кораканда (Кубань. — *Ю. Д.*), изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает почти вид острова». Это описание наводит на мысль, что, возможно, перед глазами Мелы была карта, на которой были представлены в виде «широких полос земли, спускающихся» по направлению к Керченскому проливу, Таманский и Керченский полуострова. Скорее всего, это была официальная карта римского государства, составленная Вицсанием Агриппой по поручению Августа на основании источников времен Юлия Цезаря, с которой вынуждены были считаться все географы римского времени (см. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 43—44). Эта утраченная карта Агриппы легла в основу знаменитой *Tabula Peutingeriana*, на которой сатархи помещены в Северо-Восточном Крыму, около Перекопа и Сиваша (см. K. Müller, Die Weltkarte des Castorius, genannt Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888, Segm. VIII; Н. М. Быковскій, Картография, М., 1923, стр. 56, рис. 50).

¹⁸ А. Н. Щеглов, О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху, ВДИ, 1966, № 4, стр. 146.

копа.— Ю. Д.) и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров» (Strabo, VII, 4, 5). Пребывание тавров в Северо-Западном Крыму фиксируется и археологическими материалами¹⁹. Но если тавры жили до Каркинитского залива и Перекопа, то совершенно естественно, что на долю сатархов выпадает «местность между Болотом (Меотидой.— Ю. Д.) и заливом», т. е. Тафры (Рвы.— Ю. Д.). Таким образом, Помпоний Мела знает сатархов в северной части Керченского полуострова и у Перекопа, в том и другом месте как соседей тавров. В Крыму помещает сатархов и Плиний, который, видимо, при описании Крыма использовал те же источники, что и Мела. Он указывает на г. Тафры «на самом перешейке полуострова», знает также и «местность, которая называется Тафры» (NH, IV, 87), а затем, сообщив о заселенности Таврического полуострова («здесь живет 30 народов»), перечисляет внутри него целый ряд городов, среди которых называет Стактары (Stactari), видимо, Сатарху Птолемея (Ptolem., V, 4, 5)²⁰. Затем он пишет: «Самый хребет (Крымские горы.— Ю. Д.) занимают скифсатарвы; они с запада граничат с Новым Херсонесом, а с востока — со скифами-сатарками» (Scythis Sataucis, NH, IV, 89). У всех исследователей, интерпретирующих это место Плиния, не вызывало сомнений то, что под именем скифов-сатархов следует видеть сатархов²¹, которые, как мы уже видели, согласно Меле, жили на Керченском полуострове и, естественно, были восточными соседями тавров. Таким образом, Плиний также знает сатархов в Восточном Крыму.

Перейдем теперь к свидетельству Стефана Византийского, на основании которого обычно делается вывод о генетической связи сатархов со «слепыми» Геродота и на этом основании постулируется тезис об их автохтонности. Стефан под словом *Táφραι* (Рвы.— Ю. Д.) разъясняет: «... страна у Меотийского озера (*χωρα... περι τὴν Μαίωτιν λίμνην*), которую окружили враги рабы, вступившие в связь со своими господами..., когда господа их воевали с фракийцами или живущими по сю сторону Истра. Как рассказывает Калликрат в III книге «... эту страну-де заселили саторхеи (*ταύτην τὴν χωρὰν κατοικήσασι Σατορχαίους*), жители-саторхеи» (*οἱ σίκουντες Σατορχαίους*), что по смыслу означает «живущие (в настоящее время) здесь саторхеи»²². Итак, Стефан Византийский, ссылаясь на Домиция Каллистрата, жившего во II—I вв. до н. э. в Геракле Понтийской и, очевидно, хорошо знакомого с источниками по истории Северного Причерноморья, передает традиционный рассказ о восстании скифов-рабов, потомков «слепых», против возвратившихся из похода скифов-господ, не связывая этих скифограбов с жившими в том же месте сатархеями. Но Геродот, передавая этот же факт, говорит о том, что скифы-господа возвратились из азиатского, а не фракийского похода (IV, 3). Вероятнее всего, Домиций Каллистрат (или сам Стефан) спутал поход Атея против истрианов и трибаллов, живших действительно по «сю сторону Истра»²³, с азиатским походом скифов или, что менее вероятно, пользовался другим источником, в котором сообщалось о походе скифов в VI в. до н. э. на запад. Геродот также сообщает о том, что потомки «слепых» выкопали для своей защиты «широкий ров от Таврических гор до Меотидского озера в том месте, где оно наиболее широко» (IV, 3). Земли царских скифов, согласно Геродоту, простирались «к югу до Таврики, а к востоку — до рва (*ἐπὶ τῆς τάφρων*), который выкопали потомки слепых». В другом месте он пишет, что скифы, «живущие по сю сторону рва, толпами переходят по льду (Керченского пролива.— Ю. Д.) и на повозках перевозят на ту сторону на землю синдов» (Herod., IV, 28). Из сопоставления этих данных вытекает, что под «широким ровом» Геродота следует, ви-

¹⁹ Д. С. Раевский, О местонахождении древнего Евпатория, ВДИ, 1968 № 3, стр. 129.

²⁰ Сатарху Птолемей помещает в Юго-Западном Крыму, недалеко от Херсонеса. Видимо, ее следует искать в районе современного Бахчисарая, где, возможно, также жили сатархи.

²¹ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 47—51; Болтенко, ук. соч., стр. 50; Minns, ук. соч., стр. 463; M. Vasmer, *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*, В., 1971, стр. 149.

²² Steph. s.v. *Táφραι* = SC, I, 267.

²³ Д. П. Каллистов, Рабство в Северном Причерноморье V—III вв. до н. э., в кн. «Рабство на периферии античного мира», Л., 1968, стр. 205—218.

димо, понимать так называемый Киммерийский вал на Керченском полуострове, возможно, сооруженный до греческой колонизации Крыма и защищавший позднее Европейский Боспор от вторжения степных кочевников²⁴. Здесь же должна находиться и местность *Τάφρη*, которую колонизовали *κατοικήσαι* сатархи (саторхеи) во времена Домиция Калликрата (II—I вв. до н. э.), и, конечно, ничего общего не имевшие с потомками «слепых», кроме одного и того же места жительства. Однако античные географы (Страбон, Мела, Плиний, Птолемей и др.) помещают г. Тафры и «страну Тафры» у Перекопа и Каркинитского залива. Так, Страбон, описав Тамиракский мыс, указывает, что «за мысом находится значительный залив Каркинитский, простирающийся к северу приблизительно на тысячу стадий; другие, однако, говорят, что до внугренного угла залива расстояние втрое больше. (Жители)... называются тафрими (*καλοῦνται δὲ Ταφριοί*). Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу» (Strabo, VII, 3, 19). В этом описании Мейнеке перед *καλοῦνται* совершенно справедливо усмотрел лауну²⁵, однако из приведенного выше свидетельства Стефана Византийского] явно следует, что речь в данном случае у Страбона шла о сатархах, занявших область Тафры и получивших вследствие этого прозвание тафрии, т. е. живущие в Тафрах. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что фраза *καλοῦνται δὲ Ταφριοί* является позднейшей вставкой в первоначальный текст, и она разрывает логически связанное описание Каркинитского залива. Как известно, Страбон закончил свой труд в 7 г. до н. э., но затем он вносил некоторые добавления, отражавшие исторические события, ставшие ему позднее известными²⁶. Видимо, фраза *καλοῦνται δὲ Ταφριοί* относится к таким добавлениям, вставленным в текст самим Страбоном, а возможно и позднее. Подобно этому места, связанные с деятельностью понтийского царя Полемона на Боспоре, являются в труде Страбона позднейшими вставками в уже готовый текст²⁷. Особенно ясно это чувствуется в рассказе об убийстве Полемона аспургианами, которых он включает в число местных племен, живущих около Меотиды, причем в одном случае поясняя, что они «так называемые аспургиане» (*καλοῦμενοι Ἀσπούργιανοί*, Strabo, XI, 9, 29), в другом — точно указывая занятую ими территорию Синдики — живущие на пространстве «500 стадий между Фанагорией и Горгишней» (*μεταξὺ Φαναγορίας οἰκοῦντες καὶ Γοργήπιδας*) (Strabo, XI, 2, 11). Добавления, связанные с деятельностью Полемона на Боспоре, — несомненно, отражение новой исторической информации, полученной Страбоном, вероятно, у местных придворных историографов Понта — родины великого географа. Вполне возможно также, что появление на географическом горизонте двух «племен» — тафриев и аспургиан, неизвестных Артемидору — главному источнику Страбона по истории Северного Причерноморья²⁸, отражает уже события послемигридатовского времени. Ниже мы попытаемся дать объяснение этим событиям, а в данный момент еще раз подчеркнем, что античные авторы знают сатархов в Крыму, а точнее на Керченском полуострове и у Перекопа. Плиний же, привлекая другие источники, видимо, не знакомые Меле, дает дополнительные сведения о сатархах. В VI книге своей «Естественной истории», указав на то, что «некоторые авторы помещают вокруг Меотидского озера до Керавских гор (северо-восточные отроги Кавказа. — Ю. Д.) целый ряд племен», он пишет: «по некоторым известиям... Танаис перешли (Tanaïs transisse) сатархеи... тагоры, кароны... и сатархеи-спалеи» (Satarcheos — Spalaeos, NH, VI, 23). Контаминируя различные и, возможно, разновременные источники, Плиний на их основании знает не только сатархов, которые вместе с другими племенами перешли Танаис, но и сатархов-спалеев, которые, несомненно, являются частью сатархов.

²⁴ О Киммерийском вале см. Н. И. Соколовский, Валу в системе обороны Европейского Боспора, СА, XXVII, 1952, стр. 91—104; И. И. Бабков, К вопросу о местонахождении Асандрова вала, сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 282—291.

²⁵ SC, I, 122 (прим.).

²⁶ E. H. O. N. I. G. M. A. N. N., Strabon, RE, II Reihe, VII, 1931, стр. 90.

²⁷ Шелов, ук. соч., стр. 234.

²⁸ Ростовцев, Страбон как источник по истории Боспора, сб. в честь В. П. Бузескула, Харьков, 1914, стр. 17.

Для того чтобы выяснить, кто такие сатархи-спалеи и откуда они пришли в Северное Причерноморье, необходимо привести характеристику сатархов, данную Мелой. Мела сообщает (Mela, II, 10): «Сатархи (в рукописи — сарты (Sarthae), незнакомые с золотом и серебром, величайшими язвами человечества, производят меновую торговлю и вследствие суровости своей постоянной зимы, закапывая в землю свои жилища, живут в пещерах или землянках (*specus aut suffosa habitant*)». Обратим внимание на последнюю фразу — ее, видимо, следует понимать так, что сатархи живут высоко в горах, где действительно снег и лед бывают круглый год, что и создает иллюзию «постоянной зимы», и живут они там в пещерах. Основываясь на этой характеристике сатархов, Кисслинг предложил в сатархах-спалеях Плиния видеть сатархов-спелеев (пещерников — *Σπηραίοι*)²⁹. Такое объяснение дает ключ к более точной локализации сатархов-«пещерников» или сатархов-«горцев». Страбон, описывая Северный Кавказ, на основании данных Феофана Митиленского (I в. до н. э.) сообщает: «Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области более северные, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются с равнинами сираков (*τοῖς πεδίοις τῶν Σιρακῶν*). Есть тут некоторые троглодиты (пещерники), живущие вследствие холодов в пещерах (ср. с описанием Мелы); у них уже и хлеб (имеется) в изобилии» (Strabo, XI, V, 7). Таким образом, страбоновские троглодиты, живущие в горах Северного Кавказа, непосредственно граничат с сираками — полуоседлым-полукочевым племенем, занимавшим, по словам Страбона (XI, V, 8), Прикубанье и предкавказские степи между Каспием и Черным морем. В троглодитах Страбона предположительно можно видеть сатархов-спалеев Плиния, у которого для подобной идентификации можно найти дополнительные данные. Описывая Северо-Западное Причерноморье, недалеко от Ольвии он помещает Ахейскую гавань, далее по берегу о. Ахилла (о. Левка) (Plin., NH, IV, 83) и говорит, что «все это пространство занимают скифы-сарды и сираки (Sardi Scythae et Siraci)». Имя скифов-сардов в иных источниках нигде не зафиксировано. А. Бек (SIG, II, 110) предложил вместо скифы-сарды читать скифы-синды, ссылаясь на то, что несколько ниже Плиний называет страну «скифская Синдика» (*regio Scythia Sindica*, NH, IV, 89). Но против корректуры Бека выступил Мюлленхоф (DA, III, 62), предложивший, что Плиний или его источник скомонировали периегессу, двигавшуюся с востока на запад, с периплом, перечислившим некоторые места в обратном направлении. Возможно, на наш взгляд, и другое предположение: Плиний перепутал Гипанис-Буг с Гипанисом-Кубанью³⁰ и соответственно в район Буга переместились Ахейская гавань, синды, сираки, жившие в Прикубанье, а вместе с ними и скифы-сарды. В последних М. И. Ростовцев³¹ предлагал видеть скифов-сатархов. В пользу этого предположения можно привести тот факт, что сарды Плиния созвучны сартам (сатархам) Мелы (Mela, II, 10) (это может свидетельствовать об одном источнике, из которого они брали свои сведения) и то, что сарды (сатархи) непосредственно граничат с сираками подобно «пещерникам» Страбона.

Отзвук о пребывании сатархов на Северном Кавказе мы находим и в поэме Валерия Флакка, современника Плиния, «Аргонавтика». Бросающееся в глаза знание меотидо-кавказских племенных отношений, точные этнические и географические характеристики, данные в VI книге поэмы, побудили Мюлленхофа (DA, III, стр. 75 сл.) поставить вопрос об источниках автора «Аргонавтики» и вывести сведения Валерия Флакка через Саллюстия к историкам Митридатовой войны, но, несомненно, Флакк использовал и данные римской исторической литературы³².

Указав на то, что «разноцветная Иберия излила вооруженные копьями отряды, которые ведут Отак, Латрис, похититель любви Невр и не знающие убежденного сединами возраста языги»³³, Валерий Флакк далее продолжает: «... следуют за своими зна-

²⁹ RE, VIII, стб. 1150.

³⁰ Страбон, например, указывал: «...некоторые и эту реку (Кубань.— Ю. Д.) называют Гипанисом, подобно реке, соседней с Борисфеном» (XI, 2, 9).

³¹ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 53.

³² Там же, стр. 61.

³³ Возможно, в этом месте у Флакка содержится намек на парфяно-иберскую войну 35 г. н. э. См. Та с., Ann. VI, 34—35.

менами эксоматы, торены (тореты.— Ю. Д.) и белокурые сатархи (flavi crine Satar-chae, Arg., VI, 145). В данном отрывке сатархи поставлены в один ряд с эксоматами, занимавшими в это время восточноприазовские степи до Танаиса³⁴ (Mela, I, 114; Ptol., V, 8, 3), и торетами, обычно локализуемыми на Северо-Западном Кавказе, в районе современного Геленджика и Новороссийска³⁵. Недалеко от этого района около области генихов и г. Диоскуриады помещает сатархов-пещерников и Солин, который, видимо, имел в своем распоряжении иные, чем Мела и Плиний, источники и вследствие этого дал дополнительную этническую и социально-психологическую характеристику сатархов-пещерников. Отметив, что «сатархи, осудив употребление золота и серебра, навсегда освободили себя от общественной жадности» (ср. Mela, II, 10), Солин далее продолжает: «... у скифов, живущих далее внутрь страны, образ жизни более суровый: они живут в пещерах (specus incolunt)..., любят битвы (amant proelia)..., с числом убийств увеличивается слава, а быть свободным от них (т. е. никого не убив.— Ю. Д.) у них считается позором. Договоры они освящают взаимным высасыванием крови, не по своему только обычаю, но и по заимствованному у мидян учению» (Solini, XV, 14). Видимо, с этими воинственными обитателями пещер (сатархами-спалеями) непосредственно граничат «простолудны и воины» (οἱ πρῶτοι καὶ μάχιμοι) Страбона, которые живут в горах Иберии и «в образе жизни сходные со скифами (сатархами.— Ю. Д.) и сарматами (сираками.— Ю. Д.), с которыми находятся в соседстве и родстве». Они так же, как и троглодиты Страбона, «занимаются земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч воинов как из своей среды, так и из тех народов» (Strabo, XI, IV, 2). Исходя из этих данных, можно попытаться объяснить и различные варианты написания спалеев (троглодитов), встречающиеся в трудах античных историков (Spalaeos, Spali, Apellaei, Apalaeos, Pali)³⁶. Наличие вариантов объясняется, видимо, смешением названий скифов-спалеев (пещерников) и скифов-палов (палеи), живших в Средней Азии, где их знают Днидор Сицилийский (II, 49) и Плиний (VI, 50). Этимологию скифов-палов можно объяснить из древнеиранского языка: др.-ир. pala (bala) означает «военная сила», «дружина»³⁷. Следовательно, скифы-палы, как можно думать, воины-дружинники.

Видимо, в глазах древних историков произошла контаминация двух разных по значению понятий — Σπήλαια (пещерники) и Πάλοι (Palaeos) воины-дружинники на основе внешнего фонетического созвучия, но относимых к одному и тому же народу — к скифам-сатархам. Сопоставляя приведенные выше данные (Страбон, Валерий Флакк, Плиний, Солин), мы можем предположительно локализовать сатархов-спалеев в горах Северо-Западного и Центрального Кавказа, в непосредственной близости с сираками и Боспорским царством (торетами); доходили они также и до границы с Колхидой. Но Солин знает сатархов и на Северо-Восточном Кавказе (Дагестане), отмечая, что «Каспийское море с другой стороны Понта за массагетами и скифами-аналеями (спалеями.— Ю. Д.) в Азиатской земле отличается пресной водою», ссылаясь при этом на авторитет Александра Македонского и Гнея Помпея, которые якобы лично убедились в этом сами (Solini, XIX, 3). Массагеты — это аланы-маскуты (мазк'ут) армянской исторической традиции, жившие в Дагестане к югу от Дербентского прохода³⁸ (средневе-

³⁴ И. С. Каменецкий, О язаматах, сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 165—170. На наш взгляд, перемещение эксоматов (язаматов) из Прикубанья в район Восточного Приазовья вполне возможно связать с появлением на Северном Кавказе сатархов.

³⁵ В. В. Латышев, ПΟΝΤΙΚΑ, СПб., 1909, стр. 64—65.

³⁶ RE, I, s. v. «Apellaei».

³⁷ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 160. Впрочем, этот «этноним» объясняется из древнегреческого языка: древнегреч. η πάλη «борьба», «сражение», «битва». В этом случае «палеи» аналогичным образом могут быть истолкованы как «борцы», «воины», «дружинники».

³⁸ См. В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербента, М., 1963, стр. 110; Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин, Тбилиси, 1966, стр. 158—160; В. Г. Котович, Новые археологические памятники южного Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», ч. I, Махачкала, 1959, стр. 153—154.

ковый Маскат) и известные еще Плинию (NH, II, 12 — patria Massagetarum), который локализует их между Албанией и Каспией. Рядом с ними помещены и сатархи-спалеи (Aralaeos), возможно, известные древнеармянским историкам под именем таваспаров³⁹ (средневековый Табасаран), соседей маскутов. В этом же районе Аммиан Марцеллин (XXII, 7, 38) помещает аланов-массагетов (маскутов) и саргетов (Massagetae Halani et Sargetae). Видимо, саргеты — один из вариантов написания сатархов (саргатов — Мелы) (II, 3); скорее всего здесь метатеза: Sarthageae → Sargetae. Верность подобной идентификации подтверждается и другими источниками. Птолемей при описании Европейской Сарматии где-то в Северо-Западном Причерноморье, между аланами и гамаксобиями, помещает кариионов⁴⁰ и саргатиюв (Σαργάτιοι, видимо, саргеты Аммиана Марцеллина) (III, 5, 10). Плиний (NH, IV, 80) к северу от Истра также между гамаксобиями и аланами знает троглодитов (Trogodytae) = (сатархов-спалеев). Марциал Капелла на «скифском берегу» Истра помещает гетов, даков, сарматов, гамаксобиев, троглодитов (trogodytae), аланов (Geometria, VI, § 661). Тех же троглодитов (Trogodytae) Аммиан Марцеллин уже локализует в устье Дуная около острова Певки, рядом с певкинами (XXII, 8, 43). Там же, рядом с певкинами «ниже устья Певки живут троглодиты» (Τρογλοδίται) по Птолемию (III, 10, 4 = SC, I, 235) и Страбону, согласно которому они жили около Каллатия, Том и Истра (VII, 5, 12). Таким образом, из приведенных данных видно, что саргатиюв Птолемея, помещенных между аланами и гамаксобиями, можно идентифицировать с саргетами Марцеллина, троглодитами (сатархами-спалеями) и локализовать в Северо-Западном Причерноморье. Из этого вытекает и другое местопребывание сатархов: Северо-Западное Причерноморье и Нижнее Подунавье. Итак, из сопоставления данных античной традиции в общих чертах выясняется следующая картина расселения сатархов: они живут около устья Дуная (Добруджа) и в Северо-Западном Причерноморье (видимо, где-то между Бугом и Днестром); в Крыму они занимают территорию на Керченском полуострове, у Перекопа и, возможно, в районе Бахчисарая (Сатарха Птолемея). Из сообщения Плиния мы узнаем об их переходе через Танаис. Сатархи находились также на Северо-Западном, Центральном и Северо-Восточном (Дагестан) Кавказе. Античные писатели знают сатархов и сатархов-спалеев

³⁹ Фавстос Бузанд, История Армении, Ереван, 1953, стр. 15—16; Егише Вардапет, История, пер. П. Шавшьева, СПб., 1853, стр. 215—216.

⁴⁰ Кароны (карны) Плиния, которых он помещает на Кавказе (NH, VI, 21) и которые вместе с сатархами перешли Танаис (NH, VI, 22). Этимологически этот этноним объясняется из древнеиранского «карана» (осет. koepon) «копец», «край», «жители окраины» (ср. Украина, украинец). См. Томасчек, RE, III, стб. 1605; M. Vasmer, Die Iranier in Südrussland, Lpz, 1923, стр. 42; В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958, стр. 586; Гайлойти, ук. соч., стр. 126. Таким образом, это племенное название означает «крайний», в смысле удаления от основного этнического ядра. Принимая во внимание то обстоятельство, что кароны (карны) у античных географов стоят рядом с сатархами (саргатами), можно высказать следующие предположения: 1) кароны — племя, родственное сатархам, появившееся вместе с ними в Северном Причерноморье и на Кавказе; 2) название «кароны» является определением к этнониму «сатархи»: сатархи — кароны («окраинные» сатархи). И, наконец, третье предположение: в греческих источниках, которые использовали Плиний и Птолемей, сатархи могли быть известны под именем «кароны».

В этой связи могут возникнуть вполне естественные сомнения по поводу «вездесущности» сатархов, которые по воле автора этой статьи последовательно превращаются в тафриев, троглодитов, сардов, каронов и принимают другие этнические названия (об этом см. ниже). Не останавливаясь подробно на этом вопросе, следует все же заметить, что в истории далеко не единичны случаи, когда отдельные племя (или союз племен) становится известным под несколькими названиями. (О принципах этнонимообразования см. работу П. Будберга. Two notes on the history of the Chinese frontier, «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1936, vol. 1, № 3—4, стр. 38 сл.; Ю. А. Зубев, Киргизы-буруты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования), СЭ, 1970, № 4, стр. 74—86).

В качестве примера можно привести тот факт, что исторические кипчаки в различных источниках обозначались как куманы, половцы, кыны, сары, такмаки и др. См. J. Margart, Komänen., passim; Зубев, ук. соч., стр. 78 сл.

или «горных» сатархов. Приведенная выше географическая картина, на наш взгляд, безусловно, отражает этапы передвижения и расселения сатархов и сатархов-спалеев. Теперь нам остается выяснить: откуда и когда они пришли на Кавказ и в Северное Причерноморье, и с какими историческими событиями связано их расселение на таком огромном пространстве? Для этого прежде всего попытаемся дать этнографическую характеристику сатархам.

О внешнем облике сатархов мы можем иметь представление со слов Валерия Флакка (*Argonautica*, VI, 144), который их называет «белокурými» (*flavi crine Satarchen*), что дает нам возможность сравнить их с аланами. Аммиан Марцеллин (XXXI, 24), характеризуя последних, отмечает, что они «высоки ростом и красивы с умеренно белокурými волосами» (*crinibus mediocriter flavis*). Впрочем, в устах римского поэта Валерия Флакка эпитет «белокурый» может указывать и на благородное происхождение. Аммиан Марцеллин, например, ниже отмечает, что «белокурые» аланы «все одинаково благородного происхождения» (*omnes generoso semine procreati*) (XXXI, 24). Из характеристики, данной Валерием Флакком сатархам, мы узнаем, что они кочевники и доители кобылиц — *ditant sua multra Satarchen* (VI, 146). Однако фраза Флакка о том, что «сатарха обогащают его подойники», видимо, является данью античной традиции, которая со времен Гомера изображала скифов «гипполгами и млекоедами, бедными и справедливейшими людьми» (II, XIII, 4—6), чуждыми духа стяжательства и корыстолюбия, незнакомыми с частной собственностью. Эта дань традиции чувствуется в характеристике сатархов у Солина и Мелы, который отметил, что они «не знакомы с золотом и серебром, величайшими язвами человечества, и производят меновую торговлю» (Mela, II, 3). Автором этой морализирующей тенденции о противопоставлении мудрости, правственности и благородства «первобытных» народов безумию и развращенности носителей греческой «городской», вырождавшейся в то время, культуры М. И. Ростовцев считает Эфора⁴¹ (IV в. до н. э.). Не касаясь в данный момент большого и сложного вопроса об идеализации скифов, отметим лишь то, что перенесение на сатархов всех приведенных выше характеристик, видимо, связано с общим кризисом античной философии последних веков до нашей эры (кинники и стоики), в поле зрения которой попало новое кочевое племя, появившееся в это время в Северном Причерноморье. Для нас в данном случае важно то обстоятельство, что самим античным писателям было не ясно — какие из эпитетов Гомера (агавы, абии, гиппомолги, галактофаги) считать этническими наименованиями, а какие — определениями к ним. Довольно часто агавы и абии принимались в античной литературе за этнические названия⁴². Например, Гесихий Александрийский, определяя в своем словаре *αγαυοί* как «блестящие», «светлые», «славные», «видные», в то же время отмечает, что есть и скифское племя, называемое агавы (*s. v. αγαυοί = SC, I, 851*). А Дионисий Перизетт, автор «Описания населенной земли», дает даже локализацию агавов. Перечислив живущие в Северном Причерноморье некоторые племена, он называет тавров, «живущих до устья Меотиды» (т. е. до Боспора Киммерийского), и отмечает, что «выше их живет племя богатых конями агавов» (*Dion. Per., 298—320*). В данном случае, видимо, под агавами Дионисия вполне возможно увидеть сатархов, которые, как мы уже выяснили, действительно жили в Восточном Крыму «выше тавров». Важно при этом отметить и эпитет агавов (сатархов) — «многоконные» (*πολυππου*). Комментатор Дионисия Перизетта Евстафий, живший во второй половине XII в. н. э., объясняя данное место Дионисия, вместо агавов распространяет этот эпитет на аланов, которые позднее, в его время, также жили в Восточном Крыму⁴³, около Феодосии, и которых якобы Дионисий «называет сильными и многоконными» (*ἀλχηρτας καὶ πολυππους καλεῖ, SC, I, 195*). Вряд ли мы ошибемся, если эпитеты «сильные» и «многоконные» отнесем к сатархам. Это под-

⁴¹ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 88—91.

⁴² См. по этому вопросу И. В. Кукина, *Ἀβίαι* в античной литературной традиции, ВДИ, 1966, № 3, стр. 121.

⁴³ Гаглойти, ук. соч., стр. 217.

водит нас к выяснению этимологии названия «сатархи»⁴⁴. В основе слова сатархи (сатархеи)⁴⁵ лежит древнеиранское *staxra* (*sataxra*, *sitaxra*, н.-перс. *istaxr*)⁴⁶ с закономерной для североиранской языковой группы метатезой *xr* → *rx*⁴⁷ (*Sataxra*), в значении: 1) «сильный», «могучий», «богатырь»⁴⁸ и 2) «замок», «крепость», «укрепление»⁴⁹. Однако вряд ли слова «сильный», «могучий», «богатырь» следует понимать в физическом смысле. В иранских языках слова с аналогичным смыслом (*tava*, *sura*, *vazarka*, *ugra* и т. п.) часто выступают в качестве социального показателя, являясь нередко титулами иранской аристократии⁵⁰. Поэтому мы имеем основание понимать под сатархами («мощные», «сильные») социальное значение в смысле «воины-дружишники» («богатыри»)⁵¹. При такой трактовке слова «сатархи» становится ясно, что эпитеты «блестящие», «светлые», «сильные» и «многоконные», даваемые сатархам (агавам) античными писателями, являются, в какой-то степени греческой калькой североиранского «*sataxra*», оттеняя социальное содержание этого слова. Основываясь на этом, можно попытаться объяснить и тот факт, почему в рукописи «Землеописания» Мелы вместо сатархов стоят «*Sarthae*» и «*Sarthagae*». Поскольку римское *th* передает древнегреческую *θ*, можно предположить, что свои сведения о сатархах Помпоний Мела и, может быть, Плиний относительно (*Sardi*) взяли из какого-то греческого источника конца II—I вв. до н. э., в котором сатархи были известны под названием *Σαρθοι* и *Σαρθαγοι*. В основе *Σαρθοι* и *Σαρθαγοι* лежит иранское *xsaθra* с закономерной для североиранской языковой группы перемещением *θ* → *θr*⁵² в значении «сила», «власть», «господство», «царство». С древнеиранским патронимическим суффиксом *-aθa* (*-aka*), *xsaθraka* должно означать «сильный», «властный», «господствующий», «царский»⁵³. Другими словами, *Saθra* и *Saθraka* являются синонимами североиранского «*sataxra*» с аналогичным социальным

⁴⁴ Относительно этимологии «племенного» названия сатархи следует заметить, что все исследователи, занимавшиеся этим вопросом, единодушны в иранском происхождении этого слова. Уже И. Маркварт (*Über das Volkstum der Komänen*, Lpz, 1914, стр. 179, прим. 12) совершенно правомерно поставил вопрос о его связи с авест. *staxra* «крепкий», «сильный». В. Томашек (*Die Goten in Taurien*, Wien, 1881, стр. 6) пытался вывести его из древнеиранского *xsaθra* + *ka* — «царственный», «господствующий», «кшатрий» — член касты воинов. Делались попытки объяснить это слово из авест. как «властители гор» (авест. *satar* «властитель» и **arka* «гора») см. V a s m e r, *Schriften...*, стр. 149. В этой связи можно, на наш взгляд, предложить и другую этимологию: «народ 100 гор» (др.ир. *sata* — «сто» и **arka* — «гора»). В этом случае имя сатархов этимологически сближается с племенным названием «садагары», которые, согласно Я. Хармата, объясняются также как «народ 100 гор» (J. H a r m a t t a, *Das Völk der Sadagaren*, *Bibliotheca Orientalis Hungarica*, V, Budapest, 1942, стр. 17—28). Не отрицая возможности приведенных выше этимологий, мы все же принимаем гипотезу Маркварта, которая подтверждается, по нашему мнению, как дальнейшим языковым развитием древнеиранского «*staxra*», лингвистическими особенностями североиранской языковой группы, так и соображениями общен исторического характера (об этом см. ниже). Вполне возможно, что помещаемый Плинием в Крыму город *Stactari* (Сатарха Птолемея) может также указывать на связь названия «сатархи» с древнеиранским «*staxra*».

⁴⁵ Сатархеи — это гр. мн. число от «сатарха» — οἱ Σαταρχαῖτι.

⁴⁶ См. P. H o r n, *Grundriss der neuersischen Etymologie*, Strassburg, 1893, стр. 158, № 714; M a r q u a r t, ук. соч., стр. 179, прим. 12.

⁴⁷ А б а е в, ук. соч., стр. 213; L. Z g u s t a, *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*, Praha, 1955, стр. 233, § 442; V a s m e r, *Iranier...*, стр. 28.

⁴⁸ Chr. B a r t h o l o m a e, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1905, стр. 1564; H. H ü b s c h m a n, *Armenische Grammatik*, Lpz, 1895, стр. 80.

⁴⁹ E. H e r z f e l d, *Archaeological History of Iran*, L., 1935, стр. 45.

⁵⁰ Особенно заметно это в надписи Дария I в Сузах, где противопоставляется персидская аристократия «мощные», «сильные» — простонародью и беднякам. См. В. В. Струве, *Этюды по истории Северного Причерноморья и Средней Азии*, Л., 1968, стр. 36, 224.

⁵¹ В пользу этого свидетельствует и социальная характеристика, даваемая Солином сатархам-пещерникам (см. выше, стр. 137).

⁵² А б а е в, ук. соч., стр. 213; V a s m e r, *Iranier...*, стр. 28; Z g u s t a, ук. соч., стр. 234, § 444.

⁵³ B a r t h o l o m a e, ук. соч., стр. 1584; T o m a s c h e k, ук. соч., стр. 6; Э. А. Грантовский, *Ранняя история иранских племен Передней Азии*, М., 1970, стр. 209, 261.

смыслом. Все это подтверждается, на наш взгляд, сообщением Страбона о том, что пространство между Борисфеном и Истром «занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирагеты, за ними — языги-сарматы, так называемые царские и урги (οἱ βασιλείαι λεγόμενοι καὶ Ὀύργου); все они по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, передо на обоих берегах его» (Strabo, VII, 3, 17 = SC, I, 120). Так как мы уже выяснили, что сатархи и сатархи-спалеи (троглодиты) действительно жили в Северо-Западном Причерноморье и на Дунае, то совершенно правомерно отнести эпитеты так называемые «царские» (древнегр. *χθαθρακα*) и «урги» (древнегр. *urga* (*urga*) в значении «сильный», «мощный»⁵⁴, т. е. синоним «*satarxa*») к сатархам-спалеям и сатархам. Видимо, под этими именами они были известны местному ираноязычному скифо-сарматскому населению, о чем определенно говорит сам Страбон — «так называемые» (*λεγόμενοι*).

Для нашего исследования имеет значение и то обстоятельство, что античные географы, в основном римские, причисляют сатархов к «скифским» племенам (скифы-сатархи (сатарки), скифы-сарды, скифы-апалеи, скифы-пещерники). Однако вряд ли термин «скифский» в устах римских писателей-географов нес конкретное этническое содержание, скорее всего в то время это был собирательный термин для обозначения евразийских кочевников. Уже Страбон знал к западу от Каспийского моря «скифов, пограничных с Европейскими странами», а к востоку от него живут и «восточные скифы, также номады, область которых простирается до Восточного моря и Индии» (Strabo, XI, 6, 2). Он также отметил, что «старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельто-скифов» и сетовал на неопределенность сведений древних историков относительно племен, «обитавших за Каспийским морем» (там же). В этом районе Страбон указывает на даев, массагетов и саков, отмечая, что у «прочих есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники» (Strabo, XI, 8, 12). В этих словах Страбона отражены знания греческих географов об евразийских кочевниках. Отметим, что после походов Александра Македонского и образования Греко-Бактрийского царства далеко расширились пределы географических знаний греков о Средней и Центральной Азии. Прежние собирательные названия (гиперборей, ариаспы и др.) делятся на множество частных, с другой стороны, самые общие собирательные термины «скифы» и «Скифия» приобретают все более и более обширные географические понятия. В римскую эпоху благодаря торговым связям с Китаем еще больше расширяется кругозор античных географов. Птолемей уже делит евразийский кочевой мир на Европейскую и Азиатскую Сарматия и Европейскую и Азиатскую Скифию, которая в свою очередь разделяется на «Скифию по эту сторону Имава» (Гималаи) и «Скифию по ту сторону Имава». Последняя на Востоке граничит с Серикой (Китаем) (Ptol., VI, 14, 9). Основываясь на этом, можно предположить, что термин «скифы», прилагательный римскими писателями к некоторым европейским кочевым народам (например, аланы-скифы, скифы-людоеды, абии-скифы и др.) в устах географов римского времени имел конкретное географическое содержание: обитатели Европейской и Азиатской Скифии, в силу обстоятельств переселившиеся в другой географический регион. Это предположение имеет место и для географического термина «сарматы» (жители Сарматии) (тирагеты-сарматы, языги-сарматы, сарматы-конседы, сарматы-гиперборей и др.).

Весьма интересно и то обстоятельство, что по мере знакомства с миром среднеазиатских кочевников античная традиция на последних также переносит идеализирующие их характеристики. Арриан, например, пишет, что во время пребывания Александра Македонского на Яксарте (Сырдарья) к нему «явились послы от Скифов по прозванию Абии, которых похвалил и Гомер в своей поэме, назвав справедливейшими из людей; живут они в Азии и никому не подчинены главным образом вследствие своей бедности и справедливости» (Anab., IV, 1, 1 = SC, I, 514). Аналогичный факт приводит и Курций Руф, отметивший, что «умеренно и равно пользуясь свободой, они уравнивали высшее сословие с низшим» (Historia, VII, 6, 11 = SC, II, 130), а Аммиан Марцеллин

⁵⁴ Абаев, ук. соч., стр. 185; Zgusta, ук. соч., стр. 128.

прямо среди среднеазиатских племен называет «кротких и благочестивых яксартов и галактофагов, о которых упоминает поэт Гомер в следующем стихе: Галактофагов и Абиев, справедливейших из людей» (Amm. Marc., XXIII, 6, 61=SC, II, 332). Не исключено, что под этими эпитетами могли также скрываться сатархи и сатархи-спалеи. В пользу этого предположения можно привести и другие факты. Солин, как и Птолемей, знает «Азиатскую Скифию» (*Asiatica Scythia terrae*) (II, 15, 22=SC, II, 278). «В азиатской части Скифии (*in Asiatica parta*) у него живут исседоны и другие племена» (Solini, II, 15, 13 = SC, II, 277). Видимо, из Азиатской части Скифии пришли на Северо-Восточный Кавказ (Дагестан) массагеты и сатархи-спалеи (*Massagetae et Apelaeos-Scythia in Asiatica plaga*) (II, 19, 3=SC, II, 281). Это предположение имеет под собой основание, тем более, что Солин знает сатархов и в Средней Азии рядом с теми же массагетами и исседонами. Описывая Бактрию и сообщив, что «здесь пограничная черта, на которой персидская граница соединяется со скифской», Солин далее отмечает: «Здесь очень густое народонаселение с неподкупной чистой хранит с парфянами закон искони установленных отношений; из этих народов наиболее известны массагеты, исседоны, сатархи и апалеи (сатархи-спалеи. — Ю. Д.)» (Solini, II, 49, 5 = SC, II, 286). Итак, мы здесь опять видим сатархов и сатархов-спалеев («горных» сатархов), которые вместе с массагетами и исседонами поддерживают давню установленные отношения с парфянами. Возникает вопрос: с каким из известных античной исторической традиции народом, имевшим соприкосновение с парфянами, можно сопоставить среднеазиатских сатархов и сатархов-спалеев? Можно пока в очень осторожной форме предположить, что это были тохары (тагоры), принимавшие самое активное участие в скифо-парфянских войнах 20-х годов II в. до н. э.

Как известно, тохары впервые засвидетельствованы Страбоном в связи с событиями, положившими конец существованию Греко-Бактрийского царства. Страбон, сведения которого, видимо, восходят к Аполлодору (I в. до н. э.), сообщает, что «из кочевников (скифов) в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, а именно: асины, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта, рядом с областью саков и согдианов, занятой саками» (Strab., XI, 7, 1). Помпей Трог, в передаче Юстина, также констатирует, что «скифские племена асианы и саравки заняли Бактрию и Согдиану» (*Scythicae gentes Saraucacae et Asiani Bactra occupavere et Sogdianos* (Hist. Phil., fr. 156, Seel). В конце пролога 42 книги у того же автора сообщается об «азиатских царях тохаров» (*reges Tocharorum Asiani*) и «гибели сарауков» (fr. 159). Эти скудные и фрагментарные известия информируют нас о разгроме Греко-Бактрийского царства и его захвате кочевыми племенами, среди которых тохары занимали, очевидно, выдающееся место: после этих событий за Бактрией прочно удерживается новое название — «Тохаристан». Мы не будем здесь касаться сложных вопросов, связанных с тохарской проблемой⁵⁵, отметим лишь тот факт, что Плиний знает тохаров в междуречье Окса и Яксарта (NH, VI, 14, 12) и на крайнем востоке (в районе Тибета и Тянь-Шаня) рядом с аттакорами (одно из тибетских племен), фуннами (гуннами) и касирами (североиндийское племя) (*ab Attacoribus gentes Phuni et Tochari et iam Indorum Casiri* (NH, VI, 17, 20). В этом районе знает тохаров и индийская историческая традиция. В Махабхарате (II, 1850)⁵⁶ сообщается, что князья Тукхара (тохаров) поднесли царю Пандаве «пушнину, железо и шелк», т. е. традиционные товары китайского экспорта: Плиний, например, определенно говорит о «сер-

⁵⁵ И. Умняков, Тохарская проблема, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 181—193; O. Maenchen-Helfen, The Jueh-chih Problem re examined, IAOS, 1945, т. 65, 2, стр. 71—80; W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambr., 1936, стр. 284—295. Ю. Н. Рерих, Тохарская проблема, НАА, 1963, № 6, стр. 118—122; В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 131—135; Вяч. Вс. Иванов, Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема, НАА, 1967, № 3, стр. 106—118.

⁵⁶ J. Charpentier, Die ethnographische Stellung der Tocharer, ZDMG, 1917, Bd 71, стр. 371.

ском железе», которое вместе с тканями и пушниной шло из Китая в Европу (Plin., NH, XXXIV, 14, 41).

Итак, мы видим, что часть тохаров находилась в районе Тибета и Тянь-Шаня, где они, очевидно, держали в своих руках часть «Великого шелкового пути». Но античные авторы знают тохаров и в непосредственной близости с Китаем: Дионисий Перизетт помещает их на границе с гуннами и варварским народом серов — καὶ Τόχαιοι Φρούσι τε καὶ εἴθεα βάρβαρα Σηρῶν (Per. 752) Птолемей, как и Плиний, помещает тохаров (тагоров) на Яксарте (VI, 12, 4), но знает их и на границе с Серикой (Китаем) под именем тагуров Θαγούροι, там же находятся тохарские горы и Θοχαρα πόλις⁵⁷. В этой связи весьма интересные для нас сведения сообщают китайские хроники, дающие предысторию вышеописанных событий. Кочевые племена юечжиев, обитавших в Центральной Азии (область Кансу), около 174 г. до н. э., подверглись нападению гуннов, в результате этого они разделились на две части: да-юечжи (большие юечжи) и сяо-юечжи (малые юечжи). Большие юечжи двинулись на Запад и завоевали Дахя (Бактрию), где их застали в 128 г. до н. э. китайские посланники (миссия Джан Цаня), а малые юечжи отошли в район Китайского Туркестана и Тибета⁵⁸. Принимая во внимание то обстоятельство, что юечжей большинство исследователей идентифицируют с тохарами, становится очевидным совпадение данных античной, индийской и древнекитайской исторической традиции⁵⁹. Итак, из анализа этих данных можно сделать вывод о том, что первоначальным местом обитания тохаров (юечжей) был район Центральной Азии (Кансу), откуда они под давлением гуннов начали свое движение на Запад. Нарративные источники знают как «горных» тохаров, живущих в районе Тибета и Тянь-Шаня, так и тохаров, занявших среднеазиатское междуречье и Бактрию, что вполне согласуется с нашим делением на сатархов и сатархов-спалеев («горных» сатархов). С другой стороны, Птолемей характеризует тохаров (Τόχαιοι) как μέγα ἔθνος («большой», «сильный» народ) в Бактрии (Ptol., VI, 11, 6). Аналогичным образом Аммиан Марцеллин там же отмечает тохаров в качестве «господствующего» народа — gentes isdem Bactrianis obaediunt plures, quas exsuperant Tochari (Amm. Marc., XXIII, 6, 57).

Основываясь на этом, можно предположить, что определения «сильные» и «господствующие», даваемые тохарам Птолемеем и Аммианом Марцеллином, соответствуют северопр. satarxa, (urga) («сильные») и saθraka (xšaθraka) («господствующие», «царские»). Очевидно, под этими эпитетами и были известны тохары среди местного ираноязычного населения Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Мы бы не посмели выступить с подобной идентификацией, если бы не располагали дополнительными аргументами: Плиний, используя, видимо, какой-то неизвестный нам источник⁶⁰, зафиксировавший появление тохаров в Северном Причерноморье, прямо указывает на то, что тохары (тагоры) перешли Танаис (Plin., NH, 22), а Птолемей знает между Дунаем и Ю. Бугом народ тагры (тагоры Плиния) (Ptolem., III, 5, 11 = SC, I, 232), т. е. в тех же местах, где известны и сатархи. Это позволяет нам с большей долей уверенности связать появление сатархов в Северном Причерноморье и на Кавказе с широким расселением центрально- и среднеазиатских кочевых племен, сокрушивших между 140—130 гг. до н. э. Греко-Бактрийское царство и сыгравших, как мы увидим далее, большую историческую роль в жизни народов Северного Причерноморья и Кавказа. В этой связи возникает вполне естественный вопрос, чем объясняется слабое отраже-

⁵⁷ Дж. О. Томсон, История древней географии, М., 1953, стр. 430, рис. 59 (карта). См. также J. R o n k a, Ost-Iran und Zentralasiens bei Ptolemaios (Geographie, VI, 9—21), Mainz, 1968.

⁵⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, М.—Л., 1950, стр. 151, 179, 183—184, 190, 191.

⁵⁹ Необходимо обратить внимание и на тот факт, что китайские раннесредневековые историки знают как государство Тухоло (Тохаристан) в Бактрии и Трансоксиане, так и «древнее Тухоло», помещаемое ими в 400 ли восточнее Хотана. См. S h a g r e n t i e r, ук. соч., стр. 371 сл.

⁶⁰ Об источниках Плиния по этногеографии Северного Причерноморья см. E. T ä u b l e r, Zur Geschichte der Alanen, «Klio», Lpz, 1909, Bd IX, Hft 1, стр. 28, прим. 2.

ние в античной исторической традиции этих крупных передвижений евразийских кочевников? Это, видимо, можно объяснить тем, что бурные события эпохи Митридата Евпатора, пытавшегося остановить продвижение римлян на Восток, события, развернувшиеся в Восточном Средиземноморье, Малой Азии, Кавказе и в Северном Причерноморье, приковали внимание античных историков, и от их взгляда ускользнули крупные племенные передвижения восточнее этой зоны. Предвестником этих передвижений и выступили тохары (юечжи), ставшие известными, в основном, среди местного скифо-сарматского ираноязычного населения Северного Причерноморья под древнеиранскими социально-этническими терминами «сатархи», «урги» («сильные»), кпатраки («царские») и появившиеся здесь где-то во второй половине II в. до н. э., что подтверждается упомянутой выше надписью Посидея, сына Посидея⁶¹. Однако неизвестный нам историк, сведения которого использовали Плиний и Птолемей, зафиксировал и сам факт появления тохаров в Северном Причерноморье. И, видимо, не случайно по путям тохаров два века спустя идут «вечно воинственные» аланы, расселившиеся на такой же большой территории, как и сатархи (тохары) и замыкающие собой переселенные иранских племен, уступив дорогу гуннам, которые открыли новую эпоху переселений, но уже тюркских племен.

Итак, мы в заключение вынуждены констатировать, что весь ход нашего исследования о сатархах — одного из этнических компонентов Северного Причерноморья — подвел к тохарской проблеме, с которой оказалась тесно связанной история Северного Причерноморья и Кавказа. Отсюда вытекает и то, что тохарская проблема не должна ограничиваться среднеазиатским регионом, она выводит нас на широкий простор евразийских степей, от Центральной Азии до Дуная, и плодотворное решение этой проблемы зависит от комплексного изучения данных античной и восточных письменных традиций и памятников материальной культуры, оставленных тохарами на громадном пути их передвижения. Как происходили эти передвижения, какими путями шли тохары из Средней Азии на Кавказ и Северное Причерноморье, их конкретная историческая роль в этих районах — ответить на эти вопросы мы попытаемся во второй части нашего исследования.

Ю. М. Десятчиков

THE SATARCHAE

by Yu. M.¹ Desyatchikov

The author discussed the origins, habitats and migrations of the Satarchae, an ethnic group of the North Black Sea region, in particular of the Bosporan kingdom. Comparative study of ancient traditions shows that the ancient authors knew both Satarchae and Satarchae-Spalaei (cave-dwellers), who lived on the lower courses of the Danube, in the Crimea (Perekop, the Kerch Peninsula), in the northwest, central and northeast Caucasus and in Central Asia. Analysis of the etymology of the tribal name «Satarchae» and of information in the sources permits the conclusion that among the local Iranian-speaking population of the North Black Sea coastal and in the Caucasus the name «Satarchae», «Urgi» («strong») and «Royal» were given to the Tochari of historical times, who appeared in this area in the second half of the II century B. C. Thus study of the Satarchae, who came from Central Asia, bears on study of the subsequent barbarisation of the Bosporan Kingdom and widens the range of the Tochari problem.

⁶¹ О различных вариантах дополнения утраченного конца надписи см. И. И. Толстой, Остров Бельый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918, стр. 41; Соломонович, ук. соч., стр. 39.